

Илья Тарасов

Возможно ли определить понятие истины?

Цель данного исследования выяснить, что скрывается под понятием истины, чем является истина: истина – это идеальный объект, это свойство определенных предметов, это понятие имеющие свой смысл и класс предметов под него подпадающих или истина – это всего лишь способ выразить согласие с определенным утверждением, в котором мы уверены. Чтобы разрешить этот вопрос мы постараемся проанализировать случаи, когда нечто признается истинным, как это впоследствии влияет на объект, за которым признается это свойство и какие причины подталкивают нас к принятию этого объекта в качестве истинного. Весь комплекс только что озвученных проблем может быть сведен к одной единственной проблеме – проблеме дефиниции термина «истина». Наш взгляд на возможность дать понятию истины определение очень близок воззрениям дефляционистов. Дефляционизм указывает на совершенно особую «природу» понятия истины как на причину, по которой у нас имеются весьма маленькие шансы дать истине исчерпывающую характеристику или дефиницию, а также свести это понятие к какому-либо одному-единственному свойству или свойствам вообще¹. Причина такого несколько скептического и агностического

¹ Дефляционизм как одна из концепций стремящихся описать «природу» понятия истины состоит из ряда тезисов, привлекательность которых для отдельного исследования может варьироваться – это замечание должно дать понять, что мы не разделяем все принципы, которые составляют полную версию дефляционизма. Так мы не разделяем мнения о том, что Т-конвенция (Т-конвенция или Т-схема это предложения вида «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел), которые в обобщенном виде принимают форму «Р истинно тогда и только тогда, когда р», и которые впервые были введены Тарским в качестве инструмента устанавливающего материальную адекватность использования понятия истины и разясняющего в чем конкретно состоит истинность каждого отдельно взятого предложения (См.: Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 1998, стр. 95)) играет какую-либо существенную роль в нашем понимании истины, а уж тем более исчерпывающе описывает всю «природу» этого концепта (такого воззрения придерживается, например Хорвич, человек, с именем которого ассоциируется течение минимализма, см.: Horwich P. Realism and Truth // Nous, Vol. 30, 1996; краткий обзор минимализма Хорвича дан в Gupta A. Minimalism // Philosophical Perspectives, Vol. 7, 1993.

отношения к попытке поиска того, что Аристотель называл «сутью вещи» будет нами детально проанализирована.

Одно из самых первых наблюдений, которое склоняет нас к принятию минимализма относительно содержания понятия истины, было сделано Г. Фреге, писавшем, что

Можно...сказать: «Мысль, что 5 есть простое число, истина». Однако если посмотреть повнимательнее, мы заметим, что этим сказано совершенно, тоже самое, что и просто в предложении «5 есть простое число»... предложение «мысль, что 5 есть простое число, истина» содержит только одну мысль, причем ту же самую мысль что и сказанное прямо – «5 есть простое число»².

Нас интересует в наблюдении, сделанном Г. Фреге, замечание о том, что истина ничего не добавляет к содержанию предложения. Как интерпретировать это положение, каким образом это замечание влияет на понятие истины? Начнем наше объяснение с того, что если мы хотим представить детальную характеристику какому-либо предмету, самый простой и естественный способ сделать это – перечислить все свойства и атрибуты, которыми этот предмет обладает: «холодный», «горячий», «белый», «квадратный», «живой» и т. д. Теперь зададимся вопросом,

Более общий обзор минималистских, дефляционистских, дисквотационалистских концепций истины можно найти в работе Ketland J. Deflationism and Taski's Paradise // Mind, Vol. 108, No. 429, 1999). И такая практика селективного подхода к теории минимализма вполне возможна, прекрасный тому пример – Дэвидсон (Davidson D. The Folly of Trying to Define Truth // The Journal of Philosophy, Vol. 93, No. 6, 1996), который симпатизирует дефляционистам (минималистам) в их приверженности положению, что понятие истины в принципе не имеет никакого специфического содержания (р. 265), но критикует того же Хорвича за предание Т-конвенции особого эвристического статуса в объяснении «природы» понятия истины (критика начинается с самых истоков, с Тарского, pp. 266-267, а заканчивается самим Хорвичем, pp. 273-274). Тезис, который мы отстаиваем в данной работе может быть обозначен как минимализм в отношении содержания понятия истины.

² Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Логика и логическая семантика – М.: Аспект-Пресс, 2000, стр. 235. Более радикально этот тезис Фреге выражает в предложении замены понятия истины утвердительной силой предложения, см.: Фреге Г. Логика в математике // Фреге Г. Избранные работы. – М.: ДИК, 1997, стр. 133. Этот тезис, утверждающий, если можно так выразиться, *бессмысленность* истины или ее неинформативность, будет нами обозначен как дефляционистский тезис относительно содержания понятия истины. Это размышление немца было повторено двумя классиками современной британской философии Ф. Рамсеем и А. Айером. Ср.: Ramsey F. Facts and Propositions // Ramsey F. The Foundations of Mathematics. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1931, p. 142; Ayer A. J. Language, Truth and Logic. – London: Penguin Group, 1971. p. 85-86, 87.

относится ли слово «истинный» к списку, только что озвученных прилагательных, которыми описываются физические характеристики предметов: является ли истина цветом, субстанцией или веществом из которого состоят объекты физического мира, – наверное, нет. Истина не является свойством или характеристикой предметов, а слово «истинный» не используется как термин, описывающий некие реальные свойства предметов. Отсюда мы можем сделать вывод, что истина не является физическим свойством наравне с такими свойствами как цвет, размер, объем и т. д. Поэтому прибавляя к предложению «морская вода на вкус соленая» слово истина, мы не добавляем к характеристикам «морской воды» ничего такого, чтобы могло нам еще глубже раскрыть свойства этой загадочной субстанции³.

Если истина не является предикатом, описывающим природу предметов, быть может, она сама является определенным предметом или субстанцией, о которой некто «сказывается» или «говорится». Можно ли об истине сказать то же самое что и предметах реального мира: о людях, снеге или морской воде? Можно ли истине приписать определенный цвет, размер или определить ее качественный состав? Или, возможно, говорить об истине как о физическом объекте – это грубая философская ошибка, ведь истина – это абстрактный предмет. Такая точка зрения имеет право на существование, хотя у истины нет цвета или массы – однако говорят все же об истинах вечных, абсолютных и относительных. Однако примерами таких истин выступают не некие идеальные объекты, а истинные предложения, такие, например, как «Константинополь был завоеван турками в 1453 году» или «Норманны завоевали Англию в 1066

³ Взгляд, в соответствии с которым истина не является субстанцией, имеющей определенные физические качества, а употребляется в чисто синтаксических и логических целях, иногда проявляется в отнесении понятия истины к т. н. "синкатегорематическим" терминам, которые не имеют самостоятельного значения (употребления), как например скобки или запятые, а служат для того, чтобы облегчить пользование языком. Такой взгляд, например, присущ Куайну (см.: Куайн У. Философия логики. – М.: Канон, 2008, стр. 27), Котабинскому (см.: Котарбинский Т. Избранные произведения. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963, стр. 296) и Хорвичу (см.: Horwich P. Deflationary Truth and the Problem of Aboutness // Philosophical Issues, Vol. 8, 1997, pp. 96-99) и т. д. Первым, кто указал на это, был Фреге: «Истина не есть какое-то свойство, которому соответствует некий особый вид чувственных впечатлений. Этим она резко отличается от свойств, которые мы именуем словами «красный», «горький», «благоухающий сиренью»... Таким образом, к мысли ничего не добавляется, когда я приписываю ей свойство быть истинной. Кажется, что значение слова «истинный» - совершенно особого рода. Не имеем ли мы здесь дело с тем, что никак нельзя назвать свойством в обычном смысле?» (Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект-Пресс, 2000, стр. 328-329).

году». Это примеры так называемых «вечных» или «неизменных истин», предложения, их выражающие, уже никогда не станут ложными – поэтому их и называют вечными. Из этого замечания мы можем сделать вывод, что, хотя истина и не выступает определенным физическим свойством предметов и сама не является таковым, она возможно является свойством лингвистических сущностей, которые сообщают об этих предметах. Выяснив, что истина, по всей видимости, является свойством некоторых предложений или высказываний, обратимся к вопросу, в чем же заключается это свойство и к каким последствиям приводит наличие этого свойства у этих сущностей.

Понятно, что с физическими характеристиками и параметрами предложения ничего не происходит: цвет чернил, которыми оно, было, написано не перестает быть черным, шрифт не становится больше или меньше, истинные предложения не произносятся с особой интонацией и выражением лица (хотя конечно такое и случается, но это не является нормой или обязательным и общепринятым правилом и уж тем более критерием истины). Все что происходит с предложением, когда мы его называем истинным, так это его принятие или утверждение. Истина ведет к согласию. Абсурдно предполагать, что можно ненамеренно не соглашаться или отрицать истинное предложение, когда мы его признали таковым (конечно если мы не собираемся солгать). Таким образом, сказать, что предложение истинно – это просто согласится с ним. Остается только выяснить причины этого принятия или согласия, то, что предложение истинно, и поэтому мы с ним соглашаемся, – мало что говорит об истине. Почему истина не может быть полностью сведена к согласию или утверждению? Допустим такую возможность. И у нас сразу же возникает ряд вопросов: чем детерминировано само согласие или утверждение, есть ли у него причины или оно произвольно, как нам его идентифицировать и т. д. Определив истину через согласие (утверждение), мы не разрешаем проблему, а остаемся со всем комплексом вопросов, с которыми были до этого, не решая ни одного, и получая их всё в новой редакции. С другой стороны, если истинность предложения состоит, лишь только в согласии с ним, то к чему нам понятие истины? Мы можем выражать наше согласие с чем-то и напрямую без использования понятия истины, однако мы не делаем этого⁴. Почему? Этот законный вопрос, который был нами поставлен,

⁴ Хотя мы даже этого не можем сделать, когда речь идет о *косвенных* утверждениях предложений как, например, в случае с высказыванием «Последнее предложение, сказанное им, было истинным» (однако мы должны помнить, что, возможность наличия таких

должен, прежде всего, указывать на неадекватность попыток полного отождествления истины и согласия. Истина не исчерпывается согласием в ней есть что-то большее, согласие в этом случае не может проистекать просто из «доброй воли» индивида, выказываемой здесь и там, по поводу и без. Было бы неверно идентифицировать истинность и согласие полностью, истина порождает согласие, но вот произвольное согласие с чем-то не рождает истины. Таким образом, сказать, что истина заключается в согласии – не сказать ничего, это просто способ уйти от решения проблемы, сделав вид, что мы что-то сделали. Истина – это, то с чем мы соглашаемся; истина – это то, что мы считаем таковым. Истина чего-либо зависит от нашего признания чего-либо истинным. Конечно это так. Но возможно ли постулировать полную и абсолютную зависимость истинностных оценок от человеческих решений? Другими словами ограничивает ли нас что-либо еще или кто-либо еще в признании чего-то истинным; чувствуем ли мы, что есть еще что-то, помимо нашей доброй воли, что заставляет нас признать что-либо истинным?

Нас интересуют причины, в соответствии с которыми мы признаем нечто истинным; критерии, которые бы служили нам инструментами для предсказания и отбора истинных предложений от ложных; возможные процедуры уточнения характера тех предложений, которые могут быть названы истинными; и выяснение вопроса могут ли другие объекты, кроме предложений, обладать свойством истинности или быть истинными.

Обратимся к выяснению вопроса о возможности существования и идентификации критериев и условий истины. Начнем исследование по выяснению условий, причин и критериев истинности, с уже упоминавшейся, связи между истинностью и согласием. На каких основаниях происходит признание – есть ли базис у нашего согласия?

косвенных утверждений является предпосылкой возникновения парадокса Лжеца) или в случаях, с тем, что Куайн называл «семантическим восхождением», когда мы в целях обобщения принуждены говорить не об объектах, а о предложениях, как, например в высказывании: «Каждое предложение формы 'р или не р' является истинным». Первым кто аргументировано доказал невозможность устранения или элиминации термина истина другим термином или понятием (используя знаменитый пример «Все следствия истинных теорем являются истинными») оказался Тарский см.: Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 1998, стр. 115. Более того, данная функциональная характеристика понятия истины послужила для развития целой концепции истины – просентенциализма, см.: Grover D. Camp J. Belnap N. A Prosentential Theory of Truth // Philosophical Studies, Vol. 27, No. 2, 1975, pp. 73-125

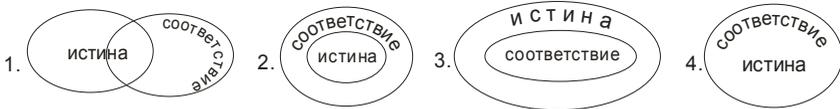
Мы соглашаемся с тем, что «проверено», что «соответствует действительности или зависит от реальности» или «имеет практическую пользу» и т. д., но мы говорим, что у истины нет критериев или «особой сущности». Это ведет к представлению о том, что истинностная оценка не имеет под собой никаких оснований или только никаких постоянных оснований, но это не значит, что она безосновательна. Истинностные оценки имеют основания, но эти основания случайны, в том отношении, что их невозможно предсказать или свести к одному единственному свойству соответствия или проверяемости; имеет ли истина основание – это тема, которая восходит к сюжету о связи истины и рациональности, то есть возможности рационально объяснить нашу способность вынесения истинных оценок. Существуют ли правила, стандарты и эталоны по которым или в соответствии с которыми мы признали нечто истинным? Существует ли сама рациональность? Можем ли мы допустить произвольность в таком деле и не означает ли случайность процесса признания чего-то истинным его полную безоснованность. Возможно, ли найти критерий, который служил бы основанием для признания чего-то истинным?

Как ни странно, «понятие истины» или термин «истина» сам по себе играет роль критерия принятия знания, и это легко увидеть на примере таких высказываний: «это знание истинно» или «то, что здесь было высказано, является истиной». Легко понять контекст этих утверждений: «это то, с чем мы можем согласиться» или «это знание мы можем смело использовать в роли предпосылок в наших рассуждениях» и т. д. Отсюда было бы абсурдно искать «критерий критерия» или что-то в этом роде, не наталкиваясь на противоречия, вспомним парадокс Рассела («о функции всех функций»). Также следует учитывать некоторые результаты Тарского: «... по одной из теорем Тарского, в достаточно богатых теориях класс истинных высказываний шире, чем класс доказуемых высказываний – это значит, что критерий истины не определяет понятия истинный»⁵. Поэтому мы хотим показать, что термин «истина» не понятие, а правило, по которому осуществляется принятие знания, как правило «modus ponens» в логике. Еще стоики называли правила, по которым происходят операции познавательных процедур (включая и «modus ponens») «недоказуемыми силлогизмами»⁶ – и в такой интерпретации вопрос о критерии истины полностью отпадает и

⁵ Воленский Я. Львовско-Варшавская философская школа. – М.: РОССПЭН, 2004, стр. 210.

⁶ См.: Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. – М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 104-105.

становится бессмысленным. Поясним нашу точку зрения: существуют три классические теории определения истины через соответствие, через согласованность, через пользу или успех. Если мы говорим, что «она есть соответствие знания с его предметом», то это может означать одну из четырех возможностей:

Из этого ясно, что первые три возможности не могут позитивно определить понятие истина через соответствие (конечно, соответствие может быть заменено любым другим термином, претендующим на статус определения термина истина), потому что это определение не исчерпывало бы всех возможностей значений термина истина или включало бы ненужный ему элемент. Остается четвертая возможность, но она, строго говоря, является тавтологией и ничего не говорит нам о понятии истины, а отсылает нас к понятию соответствия. И тогда у нас возникает вопрос, что же такое соответствие? Думать, что соответствие это термин, который нам хорошо известен и поэтому не требует никаких объяснений, было бы ошибочным. Более общее философское соображение, которое мы можем вывести отсюда, заключается в том, что попытки определения одного термина через другой могут быть успешными только в том случае если термин, который выступает кандидатом на определение, известен нам лучше, нежели определяемый термин. В случае с истиной список кандидатов на определение этого термина выглядит еще более проблемным, чем само понятие истины, поэтому поиск критериев истины в этом свете выглядит несколько сомнительным и не стоящим предпринятием. Таким образом, стандартная процедура обоснования истинности некоего предложения, за счет понятия соответствия или за счет какого-либо другого понятия не может дать нам знания причин истинности предложений, потому что их нет (дальнейший анализ условий истинности предложений должен дать понять почему). Мы можем знать о том, что некое событие произошло, не зная о его причинах, и в таком положении вещей нет ничего необычного. Одним из таких случаев является случай истины. Отсюда было бы неверно говорить, что соответствие скрывает некие настоящие

причины или является ложным критерием, скорее всего, оно заполняет некий вакуум, между признанием некоего предложения истинным и его принятием. Нам нужно сказать «почему». И почему бы не использовать термин соответствие (или какой-нибудь другой термин)? Привнесение понятия соответствия – *безвредно*, оно несколько не влияет на истинностное значение предложения. Таким образом, соответствие не более чем риторический прием, призванный скрыть наше бессилие в отношении процедуры обоснования⁷. Любая риторика – это речь, не влияющая на нас никоим образом, т. е. не имеющая никаких практических результатов и следствий кроме удовлетворения от того, что мы высказались и нас услышали, другими словами все, что может быть сделано с ней, может быть сделано и без нее. А когда риторика имеет своей темой познание – она превращается в эпистемологическую риторику, т. е., по большому счету, в теорию познания.

Попытка определения истины через соответствие или какое-либо другое понятие оказывается провальной, и нам приходится обращаться к самим истинностным объектам, за выяснением вопроса о возможных основаниях и условиях их истинности. Поэтому мы собираемся более детально исследовать вопрос, который в философской литературе проходит под рубрикой объема (экстенционала) понятия истины. Вопрос о том, к какому роду объектов относятся предметы, к которым применимо прилагательное «истинный», или если воспользоваться более реалистичным языком, которые обладают свойством истинности. Сначала мы ограничимся перечислением традиционного списка тех предметов, которые подпадают под понятие истины, с дальнейшим детальным разъяснением, почему выбраны именно они. Итак, истинным,

⁷ Существует, однако, попытка спасти определения истины, базирующиеся на соответствии (или на других терминах, предполагающих схожие схемы определения), которая заключается в указании на то, что, хотя такие определения и не предоставляют критерия истины, они служат в качестве регулятивных принципов или идей, направляющих наше исследование: «Таким образом, понятие истины в основном играет роль регулятивной идеи. В наших поисках истины нам поможет знание того, что существует нечто вроде истины или соответствия. Это знание не дает нам способа находить истину» (Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., Эдиториал УРСС, 2002. стр. 300). Абсурдность такого представления являет сама себя и не требует дальнейшего обсуждения. Ср.: Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 2001. pp. 193-194; Devitt M. *The Metaphysics of Truth // The Nature of Truth: Classic and Contemporary Perspectives* (ed. by Lynch M.). – Cambridge: MIT Press, 2001. pp. 590-591.

обычно, называют: сферу лингвистических сущностей (предположения, утверждения, теории), сферу абстрактных объектов (понятия, идеи, концепции), сферу психических переживаний (чувства, убеждения, ожидания, веры), сферу моральных объектов (правила, нормы, идеалы, стандарты). В более слабом смысле сферу общественно-политических объектов (программы, лозунги), сферу искусства, религии и мифологии. Три фаворита, перечисленные нами выше, – сферы языка, мышления и психики можно без особого ущерба свести к одной единственной области языка. Отмеченная связь между истиной, согласием, принятием и утверждением должна дать понять, что объект, который может стать истинным, должен иметь возможность быть утверждаем и т. п. Все эти операции, возможно, проделать только с языковыми сущностями, которые и выражают все остальные сферы, и через которые и происходит утверждение. Наиболее, часто встречающимися кандидатами среди лингвистических сущностей на звание объектов, которые могут быть названы истинными, являются предложения, высказывания и суждения. Все эти три объекта имеют право называться истинными, однако, не без некоторых оговорок. Начнем с суждений. Трудности, которые связаны с этим термином заключаются в чисто технических моментах использования этого слова: существует несколько контекстов вхождения этого слова, которые несовместимы между собой. Проблема заключается в том, что все эти контексты претендуют на право называться истинными, в том отношении, что именно к ним применимо использование истинностного предиката. И иногда при использовании термина «суждение» возникает путаница – в каком смысле (контексте) их следует называть истинными? Существует как минимум три наиболее распространенных определения суждения: суждения как ментальные акты принятия или формирования знания (для простоты их можно просто называть убеждениями); суждения как абстрактные объекты (значения предложений, пропозиции) и суждения как высказывания (утверждения). Определение суждения, которое мы используем в данном исследовании приравнивает суждения к высказываниям. Кратко об остальных, почему отброшены именно они. Суждения в смысле пропозиций (суждения как абстрактные объекты как значения предложений в качестве экстенционала термина «истина» принимал, например, Фреге⁸). Отвечая на вопрос, почему мы избегаем использовать термин «суждение» именно в этой интерпретации, хочется отметить, что нам кажется, не совсем

⁸ См.: Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. – М.: Аспект-Пресс, 2000, стр. 250-251.

корректным применять термин «истина» к абстрактным сущностям, которыми являются смыслы и значения предложений. Как верно замечает Остин: «... в философии «суждение» используются как «значение и смысл предложения или группы предложений»... следует, во всяком случае, признать, что в данном смысле суждение не может быть тем, о чем говорят как об истинном или ложном. Мы ведь никогда не скажем, будто значение (или смысл) этого предложения (или этих слов) является истинным»⁹.

Смысл слов или предложений это нечто общее, что в принципе присуще всем схожим классам слов и предложений независимо от любой ситуации произнесения, использования или применения, с другой стороны истинность зависит от весьма изменчивых, специфических, а зачастую и несколько своеобразных характеристик, которые как раз и не включаются в состав, тех общих элементов, свойств, характеристик или деталей, которые конституируют смысл слов, предложений или утверждений. Таким образом, когда предложения или высказывания называют истинными, то их смысл это, скорее всего последнее, что имеют в виду. Второе определение, затронутое нами это определение суждений через акты психической активности, когда суждение приравнивается к убеждению, к психическому комплексу, который управляет поведением человека, включая сюда и вербальное поведение. С другой стороны, эти психические комплексы активности находят свое артикулированное выражение именно в языке или через другие типы поведения человека. Причина, вследствие которой, мы не считаем такие комплексы могущими быть истинными, заключается в том, что мы считаем, что нам не нужно дублировать предложения или высказывания еще какими-либо сущностями, содержащимися или находящих свое выражение в них – достаточно одних предложений, а во-вторых, исходя из методологических оснований исследования мы не думаем, что такие психические сущности как суждения вообще существуют¹⁰. Что касается

⁹ Остин Дж. Истина // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 1998, стр. 175.

¹⁰ Исходя из номиналистических интенций, автор отрицает существование того, что можно было бы назвать «смыслом» или «значением» слов и предложений. При чем как в «холодной» (абстрактной) интерпретации, так и в «теплой» (менталистской) интерпретации. Поводом для отнесения смысла к психологическим сущностям, дает определение смысла через процесс понимания, который, несомненно, является психологическим по-своему характеру. Однако эту трудность можно преодолеть за счет внедрения внешних критериев (в духе позднего Витгенштейна, который заявлял, что «внутренний процесс нуждается во внешних критериях»), которые устанавливали бы

предложений, то нам кажется корректней употреблять предикат «истина» не по отношению к предложениям, самим по себе, а к случаям их употребления, т. е. к утверждениям (например, Тарского использовавшего предикат истина по отношению к предложениям, представители Оксфордской философской школы критиковали именно за это¹¹). Таким образом, предикат «истина» применим к случаям употребления предложений, к высказываниям или утверждениям (мы не собираемся прекращать пользоваться другими терминами, которые не являются высказываниями или утверждениями, такими как идеи, понятия, убеждения, концепции и т. д. Но делать это будем при условии, если эти термины понимаются как номинативные синонимы высказываний, т. е. в чисто стилистических и риторических целях¹²) и

наличие процесса понимания. Одним из таких критериев является успешное достижение цели. Этот критерий является «пасынком» прагматической максимы Ч. Пирса, который еще задолго до Витгенштейна утверждал, что «Полное интеллектуальное содержание какого-либо символа состоит в совокупности...всех общих типов рационального поведения, которые, в условной зависимости от всех возможных обстоятельств и желаемых положений дел, вытекают бы из принятия этого символа» (Пирс Ч. Вопросы прагматизма // Пирс Ч. Начала прагматизма. – СПб.: Алетейя, 2000, стр. 182). С другой стороны возможность понимания смысла как абстрактного объекта заложена в идентификации смысла с содержанием слов или предложений, т. е. со свойствами и понятиями, которые они выражают, а т. к. номиналисты отрицают существования понятий потому, что универсум для них состоит из конкретных объектов. Это значит, что мы приходим к выводу, что за словами не стоит никакой другой «сущности», например «значения» или «смысла», кроме них самих («со времени Витгенштейна и Селларса... значение типографических знаков – это вовсе не дополнительное их «незастенчивое» свойство, но просто их место в контексте событий языковой игры в реальной жизни» (Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского Университета, 1997, стр. 19).

¹¹ См.: Тарский А. Истина и доказательство // Вопросы философии, №8, 1972, стр. 136. Критика Тарского «оксфордцами»: Остин Дж. Истина // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 1998, стр. 189; Стросон П. Ф. Значение и истина // Там же, стр. 230.

¹² Чтобы сделать нашу точку зрения более ясной приведем пример т. н. номинативного определения "СГУ - это Саратовский Государственный Университет", для более детального знакомства с характеристиками номинативных (конвенциональных) определений см.: Пар А. Theory of Definition // Philosophy of Science, Vol. 31, No. 1, 1964, p. 49. Следует также разъяснить, что высказывания и случаи употребления не являются словами синонимами; высказывания являются случаями употребления предложений, в то время как сами случаи употребления не нормированы никакими лингвистическими рамками, а являются лишь актами вербальной активности человека в той или иной степени формирующим его «словарь». В этом отношении мы согласны с критикой Р. Харре формалистической семантики, проводящей строгое различие между лингвистическими сущностями: «Слова, предложения, утверждения и смыслы являются навязанными нам категориями. Они являются лишь тенью теоретических сущностей. С точки зрения дискурса (в данном случае под этим понимается «язык в использовании») не существует ничего подобного

именно из анализа этих лингвистических сущностей мы сможем вывести условия истинности или другие необходимые элементы, которые позволяют им быть истинными или ложными¹³.

Истинность некоторого предложения зависит от реальности, например, как кипение воды или превращение ее в лед зависит от температуры. В свою очередь предложения зависят еще и от людей, которые их произносят, утверждают, формулируют и принимают. Анализ истинных предложений должен учитывать человеческий фактор в производстве истинных утверждений. Влияние человека на формирование условий истинности предложений, проявляется в посреднической функции, которую осуществляет человек между миром и языком, признавая нечто истинным, т. е. создавая прецедент, который свершается здесь и сейчас, в данный момент. Отсюда можно заключить, что все высказывания и предложения контекстуально зависимы, то есть произносятся определенными людьми при определенных обстоятельствах, которые и формируют условия их истинности¹⁴. Эта

изолированному предложению или утверждению» (Брокмейстер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии, №11, 2000, стр. 35.

¹³ Схожую стратегию анализа условий истинности можно обнаружить у П. Стросона, который пишет, что «Понятие условий истинности следует разъяснить с помощью другого понятия, например понятия суждения или высказывания» (Стросон П. Ф. Значение и истина // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 1998, стр. 225). Может возникнуть вопрос, чем условия истинности отличаются от критериев истинности. В данном исследовании условия истинности устанавливают возможности, при которых предложения могут трактоваться как истинные или ложные, тогда как критерий устанавливает возможности только истинности, но не ложности. Соответственно условия истинности предложений не могут обладать прогностической функцией, потому что условия формулируют возможности истинностной валентности предложений, но не говорят конкретно, какая валентность реализуется, истинная или ложная.

¹⁴ Данный подход к анализу условий истинности высказываний не является новым. Время и контекст (говорящий + ситуация) являются необходимыми элементами, без которых невозможно установить истинностную валентность суждений. Нам кажется, что мы смогли добавить некоторые новые аргументы в обоснование этой позиции, которая восходит к Фреге (см.: Фреге Г. Мысль // Логика и логическая семантика. – М.: Аспект-Пресс, 2000, стр. 341), затем обнаруживается у Куайна (см.: Куайн У. Философия логики. – М.: Канон, 2008, стр. 28) и окончательно оформляется у Дэвидсона (см.: Дэвидсон Д. Метод истины в метафизике // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 1998, стр. 357). Эксплицитно сформулировав условия истинности предложений, мы теперь можем обосновано объяснить причину нашего отказа от использования Т-конвенций, в качестве инструмента устанавливающего материально адекватное использование понятия истины, Т-конвенции не индексируются по времени и поэтому они бесполезны в качестве условий устанавливающих материально адекватное использования понятия истины. О других сложностях, с которыми сталкиваются теоретики дефляционизма

контекстуальная зависимость предложений обнаруживается через индексы, которые отсылают к определенным ситуациям. Например, «вчера», «сегодня», «26-ого числа», «в 1986 году в Лондоне». Именно индексы обеспечивают предложениям связь с реальностью и задают контекст, который служит верификатором предложения. Иными словами истина фундаментально зависит от времени, от постоянно, динамично, изменяющейся реальности. Обычно принято считать, что истина это нечто такое, что противостоит времени, имеет принципиально вневременной характер. Мы же наоборот настаиваем на темпоральном понимании «природы» истины и предлагаем осуществить индексацию истинных предложений по времени¹⁵. Истинность возможна там, где есть отношение к реальности, это отношение и должно фиксироваться за счет приписывания пространственно-временных индексов предложениям: предложения называют истинными по отношению к чему-то, какой-нибудь ситуации, индексы дают нам знание этих ситуаций, по отношению к которым предложения и должны называться истинными. Таким образом, предложение не может быть истинным само по себе, безотносительно к чему-либо в реальности, просто так «вообще». Никто из нас не рождается со знанием определенного набора истинных предложений, этот набор приобретает на конкретных примерах, а не постигается нами или дается в виде откровения или инсайта источником, которого является мир идей или какая-нибудь, другая посюсторонняя сущность. По Аристотелю истина фиксирует существование или не существование каких-либо вещей, предметов или объектов. Истина – это способ корректировки нашего видения мира избавление его от иллюзий и

использующие Т-конвенции, например для объяснения условий истинности нефактуальных предложений можно найти в Field H. Disquotational Truth and Factually Defective Discourse // *Philosophical Review*, Vol. 103, No. 3, 1994, p. 409. На очевидные противоречия, которые возникают из принятия Т-конвенций, указывает Хальбах (см.: Halbach V. How not to State T-sentences // *Analysis*, Vol. 66, No. 4, 2006, pp. 276-277). Более общие философские возражения против использования Т-конвенций, восходят к Даммиту, утверждавшему, что данная стратегия понимания истины, не может объяснить наличие *практического, ценностного и нормативного* аспекта использования понятия истины (см.: Даммит М. Истина // *Аналитическая философия: становление и развитие*. – М.: Прогресс-Традиция, 1998, стр. 193). Возражения и попытки преодоления этого аргумента можно найти в Horwich P. The Value of Truth // *Nous*, Vol. 40, No.2, 2006, pp. 347-360; Dodd J. There Is No Norm of Truth // *Analysis*, Vol. 59, No. 4, 1999, pp. 291-299.

¹⁵ Это примерно тот взгляд на истину, который критикует в своей статье Я. Воленский. Он пишет: «... хотя мы можем сказать, что «а есть b в момент t» истинно, мы не должны говорить, что «а есть b истинно в момент t» (Воленский Я. Детерминизм и логика // *Вопросы философии*, №5, 2003, стр. 72, сн.2).

миражей, от Пегасов и Олимпийских богов (не случайно Фреге замечает, что вопрос об истине, будучи поставлен по отношению к художественному произведению убивает его эстетическую ценность) – это то, что нас приземляет и вырывает из мира трансцендентных сущностей. Поэтому, возможно, правы прагматисты, указывая на связь истины и удачной практической деятельности, однако мы этим не хотим сказать, что истина сводится к пользе, истина – это всего лишь условие успешной практики, ее предпосылка. Истинные знания помогают нам войти в контакт с реальностью; знание, которое не приводит к этому контакту – ложное знание.